

УДК 165.6 : 1 (091)
DOI: 10.17223/1998863X/51/11

А.А. Меньшикова

ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА П. СТРОСОНА КАК ПРОДОЛЖЕНИЕ ТРАДИЦИИ «ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО КАНТИАНСТВА»

Обоснована преемственность традиции «лингвистического кантианства» в аналитической философии языка. Философия И. Канта рассматривается как основополагающая традиция философии языка. Приводятся аргументы, подтверждающие преемственность кантовской традиции в философии П. Стросона.

Ключевые слова: «лингвистическое кантианство», П. Стросон, дескриптивная метафизика, трансцендентализм посредника, традиция.

Выявление традиции «лингвистического кантианства» признается не всеми исследователями. В большинстве случаев положение о кантианской природе философии языка оспаривается по причине определенной, абсолютизированной интерпретации самого термина, его буквального прочтения.

Цель исследования – обоснование концепции «лингвистического кантианства» как тенденции в аналитической философии языка, а также исторической и эпистемологической преемственности между концепцией И. Канта и философами аналитического направления. Феномен «лингвистического кантианства» исследуется на материале концепции дескриптивной метафизики и концептуальной схемы П. Стросона. Опровергается положение М.А. Смирнова об отсутствии связи между традицией И. Канта и философией языка, неадекватности термина «лингвистическое кантианство». Исследовательские задачи заключались в выявлении оснований кантианства в концепции П. Стросона и философии языка в работах И. Канта, представлении философии британского автора как очередного этапа развития лингвистического кантианства.

Несмотря на категоричную позицию М.А. Смирнова, констатирующую отсутствие исторической и эпистемологической преемственности между традициями кантовской философии и работами представителей аналитической философии языка [1. С. 34], в отношении традиции аналитической философии и кантианства можно обосновать наличие преемственности.

Развивая свою аргументацию, направленную на отрицание связи философии языка с идеями И. Канта, М.А. Смирнов отождествляет понятие «лингвистического кантианства» и концепцию Сепира–Уорфа [Там же]. Понятие «лингвистическое кантианство» рассматривается здесь как обозначение позиции (ограниченно – взглядения), фактически продолжающей развитие концепции Сепира–Уорфа [Там же]. Эти позиции отождествляются. Тем не менее существуют многочисленные свидетельства отличия исследований британских авторов от работ И. Канта, не позволяющие отождествлять и даже сравнивать эти позиции.

Методологические и гносеологические основания работ И. Канта несовместимы с направленностью исследований Э. Сепира и Б. Уорфа, занимав-

шихся исследованиями в области когнитивной лингвистики, которая, с их точки зрения, опирается на лингво-культурологию.

М.А. Смирнов, принимая довод Л.Б. Макеевой, считает, что гипотеза лингвистической относительности, описывающая «множественность упорядочивающих лингвистических структур» [2. С. 3–20], онтологически не соответствует взглядам И. Канта на природу концептуальной схемы. Тем не менее расхождение в представлениях о репрезентации языковых и ментальных структур не исключает наличия сформировавшейся категории. В этом отношении преемственность эпистемологической связи подтверждает наличие самой онтологической категории. Более того, представления И. Канта об априорных формах рассудка предвосхищают онтологию взаимосвязи языка и сознания, представленную в концепции Сепира–Уорфа. Множественность вариантов функционирования языковых структур не опровергает наличия инварианта концептуальной схемы и основополагающей идеи И. Канта о невозможности полностью адекватного постижения реальности по причине специфики работы сознания, согласующейся с положениями концепции Сепира–Уорфа. Это позволяет выдвинуть предположение о том, что положения самой гипотезы лингвистической относительности формировались под влиянием исследований и выводов И. Канта.

В традиции «лингвистического кантианства» формируется тесная связь между философской направленностью И. Канта и П. Стросона [3].

Философия И. Канта получила дальнейшее развитие и характеризуется беспрецедентным влиянием на труды последующих исследователей благодаря неоднократно констатированной противоречивости (ср. исследования П. Гайера [4], П. Стросона [3]), возникающей при попытке восстановить позицию немецкого философа как целостную систему. Возникающие противоречия наводят на мысль об отсутствии связанной системноорганизованной теории, которая могла бы охарактеризовать идеи И. Канта. П. Гайер неоднократно подчеркивал развивающийся характер идей И. Канта [4. С. 167–240].

Попытка подвести традиции в онтологии и эпистемологии под один знаменатель остаются безуспешными. Однако для обоснования наличия преемственности этого не требуется, поскольку категории онтологии и эпистемологии, как и интерпретация понятий, характеризуются исторической изменчивостью. Признание неизменности категорий означало бы отсутствие каких-либо традиций и метафизических систем, в том числе и аналитической, в истории философии в принципе. Обоснование такого подхода характеризовалось бы историческим и онтологическим индетерминизмом. Тем не менее в работах философов-аналитиков имеет место исследование вопроса отношения суждений и реальности, инициатива возникновения которого принадлежит И. Канту. Проблема, исследованная И. Кантом, оказывается по-разному связанной с интересами философов аналитического направления. П. Стросон продолжает решать проблемы, поставленные И. Кантом (что изложено в его работах «Границы смысла» [3], «Индивиды» [5], «Сущность и идентификация» [6]), по сути, совершенствуя онтологию и эпистемологию немецкого философа, предпринимая попытку устраниТЬ из нее противоречия.

Развивая теорию трансцендентализма, И. Кант занимается исследованием суждений и речевых высказываний. Становление «лингвистического кантианства» происходит под влиянием переосмысления сущности предложе-

ний. Глубокое проникновение в метафизические основания онтологии позволяет установить фундаментализм категорий, которыми оперирует немецкий философ. Антиномия «вещи в себе» и сознания свидетельствует об отношении языковых сущностей в философии И. Канта к проявлению работы сознания и опосредующей структуры, препятствующей познанию истинной природы вещей. Другим основанием становления тенденции «лингвистического кантианства» в аналитической философии является направление трансцендентальной логики, которая, по наблюдению В.Н. Брюшинкина [7], сближает эпистемологию И. Канта и П. Стросона. Отдельные аспекты эпистемологии И. Канта просто совпали с исследовательскими системами отдельных философов аналитического направления. Общность сферы исследований сопровождается прямым заимствованием положений и их дальнейшим развитием в философии британского автора.

Трансцендентальная логика по своей природе в большей степени связана с прагматической функцией высказываний, естественной средой функционирования языка. По замечанию Е.Г. Драгалиной-Черной, «правила трансцендентальной логики, не обладающие онтологической неколебимостью... надеются привилегированным эпистемологическим статусом конститтивных принципов концептуальной системы, имеющей интерпретацию в пределах возможного опыта» [8. С. 131]. В своей концепции [5] Стросон сближает логическую и грамматическую формы, направляет кантовскую традицию в область структурализма.

Представление И. Канта о сущности понятий и отражении категорий в сознании неоднократно подвергалось критике как противоречивая позиция. П. Гайер писал о развитии трансцендентальной теории и дефиниции понятий, что «мы должны задаться вопросом не только о том, что он понимал под понятиями „разграничения“ и „соответствия“ в сознании трансцендентального субъекта и почему они представлены определенными ограничениями, но также почему эти ограничения связаны с репрезентацией объекта» [4. С. 48]. П. Стросон указывал на противоречие, возникающее вследствие отсутствия внятного уточнения Канта о понятиях аналитических и синтетических суждений [3. С. 15], считая, что «сами эмпирические суждения в принципе той же природы, что и аналитические суждения» [3. С. 15]. Сложность интерпретации концепции Канта наводит на мысль о том, что его философские изыскания не представляют собой организованной непротиворечивой теории, неизменной в отношении любой темы исследования. И. Кант проводил исследования, находясь в состоянии постоянного поиска, открытого происходящим изменениям. Противоречие кантовской философии устраниется Стросоном при попытке соотнести партикулярии как концепты, отражающие объекты в сознании, между собой.

Аргументы, представленные Смирновым в отношении докантовского периода существования гипотезы лингвистической относительности, не учитывают того, что вопросы отношения, отождествления языка и мышления переживали долгую традицию в логике. Мысление в данном случае понималось как процесс. Кант ввел более точное определение трансцендентального субъекта, также дополняющее прототип гипотезы Сепира–Уорфа. Нельзя рассматривать представление о языке И. Канта как свойственное онтологии языкознания XX в. Язык в период исследований Канта синкretичен по отно-

шению к мышлению. Понятия являются такими же лингвистическими сущностями, как и логическими. Категории логики и грамматики им отождествляются, грамматические формы обозначены «чистыми элементами человеческого познания» [9. С. 83].

Отношения между философией И. Канта и П. Стросона характеризуются диалогическим и диалектическим подходами. Дескриптивная метафизика Стросона заложила основания самостоятельной теории с разработанным понятийным аппаратом. Критический подход Стросона к теории Канта сопровождается попыткой устраниТЬ противоречивость, возникающую при определении природы суждений. Нельзя сказать, что Стросон отождествляет язык и мышление. Стросон убежден в том, что условия влияния сознания и формы мысли в эмпирических суждениях при достижении эмпирически полученного знания представлены имплицитно.

Скорее, понятия, представленные в индивидах, выражают реляционные операции, происходящие на границе объектного мира и воспринимающего сознания.

Диалектический принцип отношений исследований Стросона к философии Канта подтверждает возможность эволюционного развития концепции «лингвистического кантианства», выражающую отклонения по отношению к источнику.

Устраняя противоречия концепции Канта, Стросон привносит в понятие концептуальной схемы категориальные понятия, уточняя степень влияния объектов реальности на концептуальную систему языка. Сознание наделяется метафизическими характеристиками.

По представлениям немецкого философа, ядром сознания и мышления является логика [10. С. 268]. П. Стросон приходит к пониманию ядра мышления – концептуальной схемы как логико-лингвистической сущности. В подтверждение сближения представлений немецкого и британского философов приводятся аналогии между логикой и грамматикой языка [Там же], что воспринимается единичной тенденцией, не распространяющейся на эпистемологию в целом.

Исследования П. Стросона демонстрируют синтез эпистемологических систем и онтологии различных наук (психологии, когнитивных наук, языкоznания), в ряду которых философский подход является обоснованием лингвистических феноменов. Принцип обоснования является основополагающей модальностью детерминизма в онтологии исследований Стросона. Источник обоснования языковой природы в том числе затрагивает область компетенций психологии, что также указывает на связь с кантианской традицией.

В качестве возможного аргумента в пользу отождествления языка и мышления, к которому оказался близок И. Кант (об этом см.: [1. С. 36]), позволяющего вписывать его философию в традицию лингвистической философии и видеть преемственность между его философией и «лингвистическим кантианством», некоторые исследователи приводят переход И. Канта к рассмотрению категории модальности (см. исследование Л.А. Калинникова: [11]). В целом категория «мышление» в философии И. Канта «невербальна» [1. С. 43]. Понимание взаимосвязи языка и мышления у британского исследователя не ограничивается категорией модальности. Трансцендентальное единство восприятия, представленное в качестве тезиса И. Кантом, отож-

дествляется с самосознанием. Обращения Канта к пропозиции достаточно для того, чтобы признавать определенное влияние лингвистической философии наряду с трансцендентальным идеализмом (см. работу Ф.М. Березина: [12. С. 41–45]).

Интерпретация онтологии языка И. Канта связана с сочетанием структуристской и прагматической функций высказываний. П. Стросон предпринимает попытку внести глубинную онтологию.

Стадия развития «лингвистического кантианства», выраженная в концепции П. Стросона, характеризуется обращением к языку, воплощенному в речи [Там же. С. 15]. Продолжена кантовская традиция дистинкции концептов, формирующихся под влиянием чувственного и нечувственного познания, и их идентификация в пространственно-временном континууме. Стросон продолжает развивать концепцию Канта. Функциональное проявление концептуальной схемы дополняется активностью субъекта – способностью к идентификации [Там же. С. 31], связывает идентификацию с базовыми партикуляриями [Там же. С. 38–63], формирующими под влиянием объектов реальности. Таким образом, Стросон устраняет противоречивость философии И. Канта, которую П. Гайер усмотрел в необходимости наличия объектов для формирования опыта в условиях утвержденного трансцендентализма сознания [4. С. 235]. Предикаты наследуют онтологию логических категорий. Чувствуется влияние онтологии лингвистики XX в., и язык предстает системой, не отождествляемой с мышлением. Стросон вводит типологические детерминанты в отношении феномена сознания [5. С. 64–87]. Кантовская проблема «самоидентификации» объектов решается в плоскости сопоставления с альтернативными субъектами [Там же. С. 94]. Основополагающими концептами Стросон считает персоналии. В отношении природы и функционирования концептуальной схемы он придерживается позиции коллективного сознания, отождествляет категории Канта с грамматическими. Дальнейшее развитие теории обращено к выявлению отношений грамматических категорий и дискурса и приравнивает концептуальную схему к экзистенциалистским категориям. Идентификация времени и пространства представлена в теории Стросона как концептуально-лингвистические категории. Сама идентификация требует наличия предиката, обозначающего связь грамматических структур с реальностью, что приводит к констатации факта возможности познания феноменов реальности только через указанные категории, унаследованные от традиции Канта. Стросон дополнитель но формирует позиционный контекст, априорно создающий традицию между собственной концепцией, философией И. Канта и теорией У. Куайна [6. С. 125]. В отношении гипотезы Сепира-Уорфа Стросон установил более тесные связи в когнитивном ключе. Традиция когнитивного языкознания отечественной школы опирается на теорию концептуальной схемы, заложенной П. Стросоном.

В исследованиях двух философов не совпадают методологические тенденции. Существующие споры основываются на выборе приоритета в методологии: следует ли выбирать отдельную тенденцию для подтверждения аргументов или требуется проводить комплексное исследование с учетом существующих системных связей. Главной проблемой для исследования исторического и эпистемологического детерминизма в философии И. Канта и П. Стросона является сложность реконструкции системы в исследованиях

И. Канта. Онтология объекта в аналитической философии языка менялась в пользу интенсификации конвенциональных тенденций и становления связей обусловленности между различными аспектами эпистемологии. Язык выполняет функцию посреднической категории в эпистемологии аналитической философии. Метафизика Стросона возвращает проявление языковой системы в область объекта исследований. Детерминистские отношения языковой системы формируются в зависимости от проявлений реальности.

Не последняя роль в онтологии языка Стросона отведена категории понимания.

Теория Стросона устраниет релятивизм, мотивы которого прослеживаются в философии И. Канта [1. С. 34], продолжая развивать положение Канта о нечувственных формах познания, о которых немецкий философ писал: «...нет никакой необходимости ограничивать способ созерцания в пространстве и времени чувственностью человека» [13. С. 135]. Стросон переводит представление о влиянии опыта на познание в сферу статичных категорий.

Соответствие метафизики П. Стросона «трансцендентализму посредника», характеризующему, по замечанию Смирнова [1. С. 43], эпистемологию аналитической философии языка в целом, вызывает сомнения. От понятия «трансцендентализм посредника» в философии П. Стросона следует отказаться, поскольку языковая система в его онтологии представляет собой антропологическую категорию, связанную с сознанием субъекта. Метафизический поворот Стросона обосновывает онтологическую значимость языковой среды в ее тесной связи с проявлением феноменов реальности.

Смысл термина «лингвистическое кантианство» можно считать условным. Сравнивая исследования И. Канта и П. Стросона, можно прийти к заключению о большем влиянии собственно аналитической традиции, на что указывает обращение Стросона к трансцендентальной логике, ее связи с понятием концептуальной схемы, отождествления субъекта и парткулярий, предиката и универсалий. Преемственность традиции осуществляется в первую очередь под влиянием преемственности логической традиции. Стросон выводит традицию «лингвистического кантианства» на уровень эпистемологии, разрабатывая «аналитический аргумент» [14]. Примером закрепленной традиции «лингвистического кантианства» следует считать сохранение представления о концептуальной природе категорий, тематической преемственности и прямого заимствования тезисов в общем онтологическом контексте, что демонстрирует в своих работах П. Стросон. В философии И. Канта принято выделять три периода [1. С. 38], что отражает нестабильность, возможность разрыва с предшествующей. Исследования британского философа последовательно восстанавливали непротиворечивую концепцию. Понятие концептуальной схемы характеризуется интеграцией психологической теории и структуралистских оснований на базе новой эпистемологии, возникающей в традиции аналитической философии. Представление о концептуальной схеме эпистемологически связано с коммуникативной средой – понятием, не встречающимся в философии И. Канта. Концептуальная схема в философии П. Стросона представляет собой редуцированную модель языка [5. С. 168], «идеальную модель формальной структуры обыденного языка» [15. С. 180], вводя определенные модификации в эпистемологическую традицию И. Канта. Исследование эпистемологии

П. Стросона позволяет установить генетическую преемственность между трансцендентализмом субъекта, характеризующим философию И. Канта, и трансцендентализмом посредника, позиционирующим язык как структурный элемент, определяющий условия познания. Концептуальная схема в эпистемологии П. Стросона является в равной степени логическим и лингвистическим понятием.

Пути развития преемственности осуществляются опосредованно. Философия И. Канта в интерпретации П. Стросона оказывается самостоятельным этапом и онтологией для развития аналитической философии и воспринимается в качестве посредника между идеями Канта и развитием аналитической философии. Традиция кантианства, таким образом, обнаруживает эволюционную изменчивость. Установлено основание соотношения концепции И. Канта с традицией аналитической философии.

Литература

1. Смирнов М.А. Философия Канта и «лингвистическое кантианство» // Кантовский сборник. 2018. Т. 3, № 2. С. 32–45.
2. Макеева Л.Б. Язык и реальность // Логос. 2006. № 6 (57). С. 3–20.
3. Strawson P.S. *The Bounds of Sense: An Essay on Kant's "Critique of Pure Reason"*. London : Routledge, 1995. 196 р.
4. Guyer P. *Kant and the claims of knowledge*. New York ; Cambridge : Cambridge University Press, 2003. 482 р.
5. Strawson P. *Individuals*. New York ; London : Routledge, 2006. 255 р.
6. Strawson P. *Entity and identity : and other essays*. Oxford : Clarendon Press [a. o.], 2005. 285 р.
7. Брюшинкин В.Н. Логика Канта и метафизика Стросона // Кантовский сборник. 2011. № 3. С. 7–17.
8. Драгалина-Черная Е.Г. Консеквенции и дизайн в общей и трансцендентальной логике // Кантовский сборник. 2018. Т. 37, № 1. С. 25–39.
9. Кант И. Пролегомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Сочинения. М., 1994. Т. 4. С. 5–152.
10. Кант И. Логика // Сочинения. М. : Чоро, 1994. Т. 8. С. 266–398.
11. Калинников Л.А. Модальность как одно из оснований философской системы Канта и ее связь со структурой языка // Кантовский сборник. 2017. Т. 36, № 1. С. 7–18.
12. Березин Ф.М. История лингвистических учений. М. : Высшая школа, 1984. 318 с.
13. Кант И. Критика чистого разума. М. : Наука, 2006. Ч. 1, т. 2. 1081 с.
14. Чалый В.А. Критическая теория И. Канта как «аналитический аргумент» в трактовке П. Стросона // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2017. № 3. С. 133–138.
15. Панченко Т.Н. Питер Стросон в роли аналитического интерпретатора кантовской философии // Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта. Калининград : Изд-во Калининград. гос. ун-та, 1980. Вып. 5. С. 91–109.

Anna A. Menshikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: menanna1366@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 51. pp. 107–115.

DOI: 10.17223/1998863X/51/11

KANTIAN LINGUISTIC TRADITION IN PETER STRAWSON'S PHILOSOPHY OF LANGUAGE

Keywords: Kantian linguistic tradition; Peter Strawson; descriptive metaphysics; transcendental intermediary; tradition.

The article presents a research upon the Kantian linguistic tradition for philosophy of language in Peter Strawson's theory of descriptive metaphysics and conceptual scheme seen as a new stage in the evolution of philosophy of language. The aim of the article is to justify the existence of the Kantian

linguistic tradition as a tendency for analytic philosophy. Mikhail Smirnov's thesis of the non-Kantian linguistic tradition in the philosophy of language is refuted. Smirnov's arguments are under discussion because his perception of the Kantian linguistic tradition and the language philosophy lead to their misinterpretation, for the Kantian philosophy and the theory of Edward Sapir and Benjamin Whorf (taken as the issue of philosophy of language) differ in their basis. Hence, Smirnov's premise is false a priori. Kant's philosophy itself is contradictory and presents no syncretic theory as a system. This leads to various interpretations of Kant's philosophy as different possible trends in analytic philosophy. The central issue of reality and its perception in analytic philosophy derives from the Kantian tradition. The latter is developed by Strawson in his theory of descriptive metaphysics, transcendental logic and conceptual scheme. Strawson transforms Kant's metaphysics, associates logical categories with grammar. Strawson eliminates the ambiguity of Kant's theory and develops his theory of a priori judgments. Empirical judgements in the insight appear implicit. Kant's influence upon Strawson confirms the existence of the Kantian linguistic tradition as a tendency in analytic philosophy. In his paper "The Individuals", Strawson elaborates categories for the structure of his theory's scheme of concepts being the insight essence of both logical and linguistic origin, studies speech and distinguishes particulars from universals that denote various objects of reality and their qualities as well as the subject and the predicate. According to Strawson, time and space are represented as conceptual linguistic categories. Strawson's conceptual scheme was borrowed by cognitive linguistics. Strawson excludes relativism. His descriptive metaphysics justifies the ontological significance of language as it reflects reality. As a stage in philosophy of language, Kant presents the category of modality. The transcendentalism of the Kantian subject transforms into the transcendentalism of the intermediary (language).

References

1. Smirnov, M.A. (2018) Kantian philosophy and 'linguistic Kantianism'. *Kantovskiy sbornik – Kantian Journal*. 3(2). pp. 32–45. (In Russian).
2. Makeeva, L.B. (2006) Yazyk I real'nost' [Language and reality]. *Logos*. 6(57). pp. 3–20.
3. Strawson, P.S. (1995) *The Bounds of Sense: An Essay on Kant's "Critique of Pure Reason"*. London: Routledge.
4. Guyer, P. (2003) *Kant and the Claims of Knowledge*. New York; Cambridge: Cambridge University Press.
5. Strawson, P. (2006) *Individuals*. New York; Leningrad: Routledge.
6. Strawson, P. (2005) *Entity and Identity and Other Essays*. Oxford: Clarendon Press.
7. Bryushinkin, V.N. (2011) Kant's logic and Strawson's metaphysics. *Kantovskiy sbornik – Kantian Journal*. 3. pp. 7–17. (In Russian).
8. Dragalina-Chernaya, E.G. (2018) Consequences and design in general and transcendental logic. *Kantovskiy sbornik – Kantian Journal*. 37(1). pp. 25–39. (In Russian).
9. Kant, I. (1994) *Sochineniya* [Works]. Vol. 4. Moscow: CHORO. pp. 5–152.
10. Kant, I. (1994) *Sochineniya* [Works]. Vol. 8. Moscow: CHORO. pp. 266–398.
11. Kalinnikov, L.A. (2017) Modality as a basis of Kant's philosophical system and its connection to the language structure. *Kantovskiy sbornik – Kantian Journal*. 36(1). pp. 7–18. (In Russian). DOI: 10.5922/0207-6918-2017-1-1
12. Berezin, F.M. (1984) *Istoriya lingvisticheskikh ucheniy* [A History of Linguistic Theories]. Moscow: Vysshaya shkola.
13. Kant, I. (2006) *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. Vol. 2. Translated from German. Moscow: Nauka.
14. Chalyy, V.A. (2017) Kriticheskaya teoriya I. Kanta kak "analiticheskiy argument" v traktovke P. Strosona [The critical theory of I. Kant as an "analytical argument" interpreted by P. Strawson]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke – Humanities Research in the Russian Far East*. 3. 2017. pp. 133–138.
15. Panchenko, T.N. (1980) Piter Stroson v roli analiticheskogo interpretatora kantovskoj filosofii [Kant's philosophy in P. Strawson's interpretation]. In: Grinishin, D.M. et al. (eds) *Voprosy teoreticheskogo naslediya Immanuela Kanta*. Kaliningrad: Kaliningrad State University. pp. 91–109.